

Б. Н. ПУТИЛОВ

Куликовская битва в фольклоре¹

Мы не знаем ни одного фольклорно-песенного текста, содержание которого прямо соотносилось бы с Куликовской битвой 1380 г. Неизвестны нам и народно-поэтические произведения о других крупных столкновениях с татарами — о нашествии Тохтамыша 1382 г., о стоянии на Угре 1480 г. и др. Отсутствие текстов, разумеется, еще не дает оснований заключать об отсутствии таких произведений в прошлом. Естественнее предположить, что в силу различных обстоятельств фольклор, посвященный событиям конца XIV—XV в., не сохранился. Однако сохранились следы этого фольклора, и они должны быть собраны и рассмотрены.

1

В былинах и исторических песнях (а иногда и в произведениях других жанров) неоднократно упоминается поле Куликово. Учесть все такие упоминания почти невозможно, но и тот запас материалов, который имеется в нашем распоряжении, достаточно показателен.

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Бессонов** — Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Вып. 1. М., 1863.
- Гильфердинг** — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, тт. I—III, изд. 4. М.—Л., 1949—1951.
- Григорьев** — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I. М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.
- Гуляев** — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- Догадин** — А. А. Догадин. Былины и песни астраханских казаков, вып. I. Астрахань, 1911.
- Киреевский** — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I. М., 1860; вып. II, М., 1861; вып. VI, М., 1864.
- Марков** — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Миллер** — Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
- Ончуков** — Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Романов** — Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. V. Витебск, 1891.
- Рыбников** — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. В трех томах. Т. I. М., 1909.
- Соколов—Чичеров** — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Тихонравов—Миллер** — Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- Якушкин** — Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884.

Куликово поле в былинах и исторических песнях стоит рядом с такими образами, как река Смородина, Леванидов крест, леса Брынские и т. п. Другими словами, Куликово поле — образ эпический. Куликово поле упоминается иногда в песнях по шаблону; иногда чувствуется результат каких-то поздних осмыслений. Однако преобладают случаи вполне обоснованного, покоящегося на осмысленной традиции употребления этого образа. Поле Куликово в былинах — это нередко поле битвы, единоборства богатыря с татарами. О том, что в эпосе Куликово поле связывалось как-то с именем Мамая и с Мамаевым побоищем, говорит такой пример: в былине о Хотене герой вызывает на бой Чусову вдову и ее девять сыновей.

Щобы ехала ты с девятью сынами, как с ясыма соколми,
Да со мной, с Хотенушкой, побрататься,
Да ведь на полѣ Куликово,
Да на то на займищо Трепетово,
Да на то побоищо Мамаево.

(Григорьев, № 211).

В одном варианте былины «Васька-пьяница и Кудреванко-царь» татарский царь наступает на Русь.

Он мосты мостил тут калиновы,
Перекладины кладет все дубовые,
Переносится, собака, перевозится
Через ту-де матушку Елесею-реку.
Становился на поле Куликово,
Заставлявал шатры он чернобархатны.

(Ончуков, № 26).

Сходный случай — в варианте былины «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь»:

Собирался собака ровно три года,
Во четвертый год собака во поход пошел,
И будет на том поле на Куликове,
И расставил ён силу по чисту полю.

(Рыбников, № 39).

Затем здесь происходит сражение русских богатырей с татарами. В варианте былины о Михаиле Даниловиче юный богатырь Михайлушка

Поезжал во то в полѣ Куликово,
Ой на ту ли силу раць великую,
На того собаку вора Каина,
На того цяррица Кудреянища.

(Миалар, № 44).

В варианте былины «Алеша и Тугарин» поле Куликово названо местом поединка:

Надо со змеем переведаться
На поле на Куликовом.

(Тихонравов—Миллер, № 28).

Очевидно, уже по инерции в двух вариантах дружина Васьки Буслаева бьется «на болоте на Куликовом» с мужиками новгородскими (Соколов — Чичеров, №№ 171, 174).

В одном случае поле Куликово выступает как окраинная земля, которую охраняют богатыри (Ончуков, № 1).

Иной характер носит упоминание поля Куликова в другой группе текстов. Здесь Куликово поле — некая эпическая земля, где богатыри проводят многие годы жизни, куда они попадают в своих странствиях.

По полюшку было, да было жа полю Куликовскому,
Там ходил жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял жа он не год, гулял он не год, не два,
Прогулял жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял он ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года.

(Миллер, № 34)

В другом тексте Добрыня хочет погулять по полю Куликову (Тихонравов—Миллер, № 22). Илья Муромец едет по Куликову полю и называет на камень с предупредительными надписями (Тихонравов—Миллер, № 4; там же, стр. 273).

Князь Владимир, узнав об опасности, угрожающей Киеву, просит Илью Муромца собрать богатырей; Илья Муромец едет за ними на поле Куликово (Киреевский, I, стр. 59).

Рассказывая своей «турице матушке» о том, где они гуляли, туры перечисляют различные эпические места, и в том числе

Сорочинско славно полё поперек прошли,
А Куликово поле с угла на угол.

(Ончуков, № 18).

Как обычная традиционная формула воспринимается упоминание о поле Куликовом в вариантах былины о Козарине (Миллер, № 69) и песни о Марье Юрьевне (Миллер, № 78): здесь Козарин расстается с сестрой у Куликова поля; в Куликово поле бежит Марья Юрьевна, спасаясь от татар.

Пожалуй, наиболее часто Куликово поле упоминается в былинах и исторических песнях как место казни: сюда приводят иногда на казнь Соломана («Соломан и Василий Окулович»), особенно часто сына Ивана Грозного («Гнев Ивана Грозного на сына»), Дуная («Дунай и Настасья»), молодца из песни-баллады «Молодец и Королевична», сестру Петровичей Сбродовичей (Гильфердинг, III, № 278; Миллер, № 63; Тихонравов—Миллер, стр. 275; Ончуков, № 92; Марков, №№ 3, 37, 54, 93; Киреевский, II, стр. 69 и др.).

Приведенные примеры показывают, что Куликово поле сравнительно прочно вошло в ряд других эпических мест, упоминаемых в былинах, балладах и исторических песнях.² Однако эти упоминания не отличаются особой устойчивостью, они не связаны с какими-либо определенными сюжетами. Перед нами, по-видимому, тот типичный в эпосе случай, когда образ не является исконым для песен, а вошел в них из более или менее поздних живых народных впечатлений.

Обратимся к другому имени, прочно связанному с Куликовской битвой. Довольно редко, но все же встречается в былинах имя Мамаю. Знают певцы и о «Мамаевом побоище». В сборниках Рыбникова, Гильфердинга, Ончукова и некоторых других имя «Мамай» и производные от него отсутствуют. Зато в текстах собраний Киреевского и особенно Григорьева

² «Куликово поле в былинном обороте стало уже эпическим названием поля, на котором происходят битвы и совершаются казни. „Московский отпечаток“ виден в том, что оно перенесено в Москву, где всего чаще совершались казни в XVI в.» (В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, III. М.—Л., 1924, стр. 79)

с этим словом связаны интересные подробности. Характерно, например, что мезенские певцы давали некоторым вариантам былины об отбитом татарском нашествии название «Мамаева побоища», хотя в самих текстах ни Мамай, ни Куликовская битва, ни другие реалии, связанные с 1380 г., не упоминались (см.: Григорьев, III, № 348, а также примечание к былине «Камское побоище» на стр. 592; см. также: там же, II, стр. 449). Сюжет былины, названной певцом «Мамаево побоище», вполне традиционен; некоторые сюжетные подробности варианта не совсем обычны, но они никак не связаны с названием. Здесь речь идет о том, как Добрыня, Алеша и Окольник освобождают Киев от Скурлава.

Возникает вопрос — откуда пришло это название былины к певцам: сохранилось ли оно по традиции от XIV—XV вв. или певцы XIX в., знавшие о Куликовской битве из других источников, сами осмыслили былинку в связи с этим событием. К сожалению, А. Д. Григорьев не приводит фактов, которые помогли бы ответить на поставленный вопрос. Очевидно, нужно обратиться за ответом к другим материалам. Их очень немного, но они довольно определены. В тех редких случаях, когда в былинах упоминается Мамай, имеется в виду всегда татарский царь, возглавлявший нашествие на Русь:

Наступал на Киев царь Мамай
Со своею неверною силою.

(Киреевский, I, стр. 58).

Сокольник, требуя от Добрыни, чтобы тот вызвал к нему Илью Муромца, говорит ему:

Пошли-тось ты ко мне старого:
Прошла про его славушка немалая,
От востока прошла слава до запада;
От той Орды великия, от того же от Мамая сильного,
Сторожит-де стар казак три дорожечки широких.

(Тихонравов—Миассер, № 31).

В алтайской версии былины о Сухмане Днепр-река борется с татарскими полчищами, которые ведет Мамай:

Надо мной стоит сила неверная
Того Мамаю безбожного,
Идет он на дом пресвятая богородицы,
На славен батюшко на Киев-град.

Суханьша, узнав о нашествии, бежит «в силу Мамаеву» и бьется с ней (Гуляев, № 18).

В варианте былины о Хотене упоминание о Мамаевом побоище — в соединении с Куликовым полем — производит впечатление традиционной формулы, которая, быть может, существовала в былинах, но с течением времени забылась, сохранившись в единственном тексте: Хотен зовет своих противников

Да ведь на поле Куликово,
Да на то на займище Трепетово,
Да на то побоище Мамаево.

(Григорьев, I, № 211).

Если в приведенных выше текстах упоминание имени Мамаю носит довольно случайный характер, то в одной мезенской былинке оно проведено

очень последовательно, от начала и до конца, и производит впечатление вполне органичного явления.

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонюшки восточныя
Не темная туча поднималася, —
С силой Мамай соряжается
На тот же на крашен Киев-град
И хочет крашен Киев в полон взять.

Ниже говорится о том, что Мамай узнал, будто в Киеве не стало Ильи Муромца и других богатырей. Мамай посылает посла в Киев с грозным ультиматумом. Князю удается добиться небольшой отсрочки. Между тем Илья собирает богатырей и, сговорившись с ними, едет «до бела шатра до Мамаева» «посмотреть войско изрядное». Здесь между татарским царем и русским богатырем происходит разговор, аналогичный тому, какой обычно происходит в былине «Илья и Идолище». Богатырь вступает в борьбу с татарами, закалывает «старого Мамаю» и отрубает ему голову. Происходит полное уничтожение татарской силы. После этого два брата Суздальца хватают, вызывая на бой «силу небесную». Тогда «восстала сила Мамаева и стало силы больше пятеро». Начинается новое побоище, и русские богатыри одолевают татар лишь после того, как каются перед «Спасом пречистым». Одержав победу и похоронив убитых, богатыри едут в Киев «во честны монастыри» (Тихонравов—Миллер, № 8).

Перед нами — не что иное, как одна из версий былины «Камское побоище». Ясно, что сюжетные особенности этой версии и данного варианта не могут быть объяснены тем, что здесь действует Мамай; особенности разработки сюжета не соотносятся с Куликовской битвой.

Выше мы видели имя Мамаю в былинах «Илья и Калин-царь» и «Илья, Ермак и Калин-царь». Во всех случаях сюжеты развивались в общем вполне традиционно; действие в них приурочивалось к Киеву; обязательно фигурировал князь Владимир; никаких подробностей, которые могли бы рассматриваться как следы народных впечатлений от Куликовской битвы, здесь нет. Никогда не упоминаются Москва, Дон и т. д.

Былины об отбитом татарском нашествии сложились как эпические произведения не об одном конкретном факте, а о целой эпохе в народной жизни. Притом они сложились задолго до реальной победы Руси над захватчиками. В этих былинах народ выразил желаемое, выразил свою уверенность в победе и мечту о ней. Для былин этого круга характерно соединение конкретно-исторического изображения татарского нашествия с эпическими мотивами и с фантастическими картинами уничтожения татар. Несомненно, что известные нам сюжеты сложились задолго до Куликовской битвы, в условиях татарского ига. Этим объясняется, в частности, принадлежность их к Киевскому циклу.

Хранители эпоса (и слушатели былин) могли соотносить содержание былин об отбитом нашествии с Куликовской битвой. Если учесть особенности жизни былин в народной среде, можно смело утверждать, что осмысления такого рода имели место. Но они не влекли за собой переработку сюжетов. Очевидно, уже и в XIV—XV вв. сила традиции в эпосе определяла возможные границы сюжетных и иных изменений. Можно предполагать, что имя Мамаю, названия «Мамаево побоище», «Куликово поле» вошли в эпос как непосредственные впечатления от Куликовской битвы. Но в сюжетном отношении Киевский цикл былин об отбитом нашествии не претерпел в связи с битвой 1380 г. каких-либо изменений.

*

В ряду произведений, так или иначе связанных с впечатлениями о Куликовской битве, особое место занимает стих о Дмитрие Солунском. В его содержании есть ясные следы переработки под воздействием событий 1380 г. и их последствий. Героико-патриотические идеи, характерные для фольклора, посвященного борьбе с татарским игом, получили здесь, как и раньше в стихе о Егории, своеобразную окраску — вполне в духе жанра. Имеющиеся варианты иногда довольно существенно различаются в разработке отдельных эпизодов, но во всех них очень сильно религиозное начало, пронизывающее весь сюжет и определяющее мотивацию сюжетных поворотов.

В двух вариантах (Бессонов, № 133; Якушкин, стр. 503—504) стих начинается с того, что Дмитрия посещает видение: ангелы предупреждают его о грозящем нашествии. В варианте Бессонова Дмитрий, убежденный услышанным им «гласом Божиим», что город не будет взят, успокаивает бояр и князей. В варианте Якушкина Дмитрий отвечает ангелам, что он отстоит свой город.

В большинстве вариантов стих начинается картиной нашествия Мамай на город. Город этот никогда не называется русским именем. Обычно это Русалим, Салим, Солым. В редких вариантах указано, что город этот находится в Русской земле.

Сы первого свету, сы началу
 Быў царь Мамай и неверный,
 Неверный, безбожный.
 Ён стояў на свыей рубежине,
 На свыей рубежине, на границе.
 Ён поближе кы граду приступаеть,
 Хочет град Солым разорити.

(Бессонов, № 134).

А сы перваго веку, сы началу,
 Як було ж наслания господня
 А на ўсю нашу на Руськую землю,
 А на ўсю нашу светлыю Росюю —
 Наезджав князь Мамай ён няверный.

(Романов, стр. 323—326).

Мамай ведет себя так же, как любой татарский царь в былинах: он грозит разорить землю и разбить город; но основная направленность духовного стиха проявляется и здесь — Мамай намеревается уничтожить Салимскую церковь и взять в плен святого Дмитрия. Дальнейшее развитие сюжета в вариантах несколько расходится — с тем, чтобы в определенном пункте вновь сойтись. В одних вариантах происходит поединок Дмитрия Солунского с татарами. Подобно богатырю Дмитрий выступает против Мамай в одиночку. Но хотя он и действует с помощью оружия, видно, что сила его — это сила святого, которого поддерживает небо. Дмитрий надевает ризу, выезжает из города верхом на белом осле.

Един неверную силу побеждает,
 Сечет он, и рубит, и за рубеж гонит.
 Победил он три тмы
 И три тысячи.

(Бессонов, № 133).

В другом варианте Дмитрия сопровождают два ангела.

Через каменну стену пролетает,
 Неверную силу побивает.

Побиў-порубиў тья силы
 Не много й не мало —
 Две войски и тьму и три тысячи.

(Бессонов, № 134).

С разгромом Мамай стих не заканчивается. Более того, весь эпизод уничтожения татар иногда предстает как подступ к основной части сюжета — истории с сестрами-полонянками. Иногда в вариантах эпизода поединка вообще нет, а стих, пропуская его, прямо переходит к истории с полонянками. В этих случаях Мамай похищает двух русских девушек, учиняет им допрос: что за герой живет в городе и успешно борется с татарами? Девушки сначала не признаются, а затем, под угрозой смерти, называют Дмитрия. В полных вариантах Мамай, убегая от разгрома, уводит с собой «двух русских сестер-полоняночек». Мотив этот хорошо знаком нам по песням о татарском иге, по балладам, по былине о Козарине. В этих произведениях главной темой является борьба девушек с похитителями: они отстаивают свою честь, они вырываются на свободу, иногда гибнут и т. д. Стих о Дмитрии Солунском также развивает эту тему, но вся история о девушках-полонянках здесь органически связана с темой Дмитрия Солунского. Самое спасение девушек трактуется в соответствии с идеологией духовного стиха.

Как и в песнях и балладах о полонянках, героини стиха подвергаются суровым испытаниям; только пройдя эти испытания, они могут вернуться домой. Мамай узнает, что победителем его был Дмитрий Солунский, и велит девушкам вышить изображение святого. Девушки отказываются это сделать, но царь угрожает им расправой, и они принимают за работу. При этом они плачут, просят Дмитрия простить их, ибо они делают это «из-под неволюшки». Смысл работы, заданной Мамаем, выясняется при сопоставлении вариантов. Мамай хочет подвергнуть лик Дмитрия поруганию: ковер с его изображением предназначается «коню моему на прикрасу, мне, царю, на потеху».

Вы нашйцѣ мне на ковре яго, —
 Буду зь яго соругатца:
 Буду на ѣм поежжаѣ
 И ногами ўсѣ топтаѣ.

(Романов, стр. 321—322).

Ночью девушки засыпают на ковре, и сильные ветры уносят их в церковь Дмитрия Солунского. При появлении девушек в церкви совершаются чудеса.

Таким образом, спасение приходит к полонянкам свыше, как награда за их преданность святому. Одновременно демонстрируется могущество Дмитрия.

Исследователи, занимавшиеся стихом о Дмитрии, сопоставляли его с соответствующими греческими и древнерусскими житиями. Героические эпизоды стиха возникли в результате некоторого переосмысления книжных мотивов: таково начало (видение), явление врагам Дмитрия в белой одежде, картина военного столкновения. «Безыменные начальники сарацинских полчищ все слились в стихе в один очень знакомый народу образ Мамаева-неверного».³ Эпизод с двумя девушками в греческих житиях исследовате-

³ А. Г а л а х о в. История русской словесности, древней и новой, т. I, изд. 2. СПб., 1880, стр. 231—232 (автор А. И. Кирпичников). Ср. также: Ю. М. С о к о л о в. Русский фольклор. Учебник для вузов. М., 1938, стр. 287; А. Кирпичников Источ-

лями не обнаружен. Считается, что он принадлежит русской традиции. Однако вопрос о том, где первоначально возник этот эпизод, решается по-разному. По мнению А. И. Кирпичникова, сказание о Дмитриии, освободившем двух девиц от Мамай, возникло вначале как книжное. Затем оно получило две версии: одну проложную, другую песенную.⁴ Исследователь приводит эпизод с девушками по прологу XVI в. Воевода говорит полонянкам: «Вы хитры еста рукама. Сшита ми на плащанице образ бога вашего Дмитрея под ногама моима и коня моего и мене напишите на кони с копьем и аз ударил святого Дмитрея копьем в горло а он валяется под ногама коня моего». Девушки притворно соглашаются, но между собой договариваются изобразить Дмитрия, поражающего копьем воеводу, и т. д.⁵ А. И. Кирпичников считает, что в сказание о Дмитриии чудо о девицах перешло из сказаний о святом Николае.⁶

Мотивы чуда с девицами в свою очередь проникают в фольклор. И. Н. Жданов приводит легендарную версию сказки о Федоре Борме. Согласно этой версии, весь Вавилон разорен змеем, только одна церковь сохранилась, «а в ней у Егорья Победоносца да Митрия Салынского хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царские, да жива есть еще там девица, которая вышивает ковер Егорью Победоносцу да Митрию Салынскому». Федор Борма проникает в церковь и просит девушку помочь ему. Она отдает ему ковер, «который... вышила золотом и серебром с ликами Егорья Победоносца и Митрия Салынского», и велит ему раскинуть ковер на воду и везти сокровища к царю православному.⁷ Б. М. Соколов описывает икону с надписью «Святой Димитрий победи царя Мамай и всю силу его вражью». Здесь Святой Димитрий изображен на белом коне. В руках у него копы, которым он поражает царя. Царь Мамай изображен в виде старика, в богатой одежде, в зеленой шапке с меховой опушкой. Он лежит на павшем коне и загораживается щитом; другая рука, с мечом, уже опустилась.

Исследователь предполагает влияние иконы на стих.⁸ Однако икона не объясняет сюжета, она объясняет лишь появление Мамай на месте сарацин. Создание стиха на основе восприятия иконы во всяком случае очень сомнительно.

Необходимо объяснить исторические обстоятельства, которые могли подсказать применение греческого жития о Дмитриии Солунском, хорошо известном на Руси с очень раннего времени, к русской действительности. Известно, что почитание Дмитрия Донского и официальные воспоминания о Куликовской битве были связаны с образом Дмитрия Солунского. Поминание по убитым на Куликовом поле совершалось в дмитровскую субботу, между 18 и 26 октября; Дмитрий Донской был на Дмитрия Солунского именинником.⁹ Это сближение могло дополняться еще и традиционным восприятием греческого святого как героя, воина, спасителя родного го-

ники некоторых духовных стихов. — ЖМНП, 1877, октябрь, стр. 146—147; Б. Соколов. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе. — Этнографическое обозрение. М., 1909, № 2—3, стр. 183.

⁴ А. И. Кирпичников. Особый вид творчества в древнерусской литературе. — ЖМНП, 1890, апрель, стр. 310—313.

⁵ Там же, стр. 311, см. также стр. 310.

⁶ Там же, стр. 312.

⁷ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. 11.

⁸ Б. Соколов. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе, стр. 184—185.

⁹ А. И. Кирпичников. Особый вид творчества в древнерусской литературе, стр. 312.

рода, защитника христиан от неверных. Тот факт, что Дмитрий Солунский в стихе выступает героем, уничтожающим полчища Мамаю и выручающим из плена русских полонянок, т. е. совершающим два народных подвига, чрезвычайно характерен для древнерусской литературы и меньше характерен для народно-поэтической традиции. Но надо учесть, что духовные стихи создавались и культивировались в специфической среде, где наряду с художественной атмосферой фольклора жила и книжность и устная церковная легенда. М. О. Скрипиль предполагает, что духовный стих с татарской темой свидетельствует о вытеснении образа греческого святого образом национального русского героя.¹⁰ Однако такая трактовка не находит фактических подтверждений. Во всех известных текстах русские мотивы введены очень скупо. Никаких деталей, которые позволили бы предполагать, что образ Дмитрия Солунского покрывался постепенно чертами Дмитрия Донского, в вариантах нет. Очевидно, переделка книжной легенды шла не столько по линии привлечения конкретно-исторических реалий, сколько по линии сближения с мотивами и образами русских народных песен определенного круга. Лишь на почве поэтических традиций этих песен духовный стих мог приобрести народно-героический и народно-патриотический характер. Но мы видели, что идеология духовного стиха ставит, с другой стороны, вполне определенные границы проявлению героико-патриотических настроений.

2

Особый интерес представляют фольклорные реминисценции в памятниках литературы, посвященных битве 1380 г., в первую очередь — в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине». Необходимо внимательно рассмотреть соответствующие факты.

Это в первую очередь относится к известному эпизоду с Захарией Тютшевым в «Сказании о Мамаевом побоище». Современные исследователи этого памятника согласны с тем, что данный эпизод скорее всего фольклорного происхождения. Художественно-вымышленный характер его вряд ли может подвергаться сомнению. Очевидно, весь вопрос в том, какова природа этого вымысла. Напомним, как разработан эпизод с Захарией в той редакции, которую С. К. Шамбинаго определял как четвертую, распространенную.

Дмитрий посылает Захарию к Мамаю с дорогими подарками. Цель поездки не вполне ясна: то ли Захария должен умиловить Мамаю, добиться выигрыша во времени, то ли он обязан под видом посла выведать планы татар и установить их силы. Весьма сомнительное с точки зрения фактической данное начало легко получает объяснение, если сопоставить его с соответствующими былинными мотивами. В былинах об отбитом татарском нашествии обычен мотив посылки дорогих подарков Владимиром к татарскому царю. Чаще всего совет повезти подарки дает князю Илья Муромец. Он хочет добиться от царя отсрочки и тем временем подготовить силы для отпора.

Надо послать к Мамаю скоро гонца,
 Попросить сроку на три месяца,
 Чтобы силой нам поисправиться,
 А могучим богатырям посьехатися.

(Киреевский, I, стр. 58)

¹⁰ М. О. Скрипиль. Народное поэтическое творчество XIII—XV вв. — Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 300.

Обычно просьбу об отсрочке мотивируют перед татарским царем необходимостью подготовить Киев для сдачи (Гильфердинг, I, № 69; II, №№ 75, 105, 138; III, № 304; Григорьев, III, № 415; Миллер, № 5; Соколов — Чичеров, № 131). Описание пышной встречи, которую обещает князь татарам, звучит в свете дальнейшего развития повествования с явной иронией:

А ты дай нам строку на три годичка —
 Намостить мосточки каленые,
 Усыпать песочками желтыма,
 Утянуть всё сукна багречевые,
 Убивать гвоздем шеломчатыйим,
 Да куда встречать собаку царю Калину.

(Гильфердинг, III, № 304)

В «Сказании о Мамаевом побоище» есть эпизод, окрашенный той же эпической иронией: Захария ведет татар в русский лагерь; их ожидает расправа, но они об этом не подозревают. Захария предупреждает их: «Ужже вам честно встретят от великого князя». «Они же высокоумием гордяшеся». Увидя посланных Дмитрием воинов, «татаровя же ждуд почести».¹¹

Обычно Калин-царь (или Батыга) соглашается дать отсрочку. Есть варианты, в которых татарский царь, принимая подарки, старается унижить русского посла и в его лице — князя. Так, Мамай со смехом отвечает Илье Муромцу:

Хошь просили бы вы сроку на три годы,
 Да и тут вам будет не исправиться:
 А силы у меня припасены —
 Сколько в лесе лесу, на лесу листу;
 Окроме того, у меня есть тридевять богатырей.

(Киреевский, I, стр. 59).

В тексте Кириши Данилова Калин принимает у Ильи Муромца «золоту казну» «нечестно», «сам прибранивает». Когда возмущенный богатырь угрожает царю, тот велит связать Илью и плюет ему в лицо. В этом варианте, как и в некоторых других, Илья здесь же вступает в борьбу с татарами и побивает их. Но обычно посол уезжает, и столкновение происходит позднее.

В «Сказании» мотивы унижения разработаны особенно подробно: Мамай велит Захарии «ногу свою обლობызати»; он отдает привезенное золото своим слугам, чтобы те купили «платей на кони своя». Как и герой в былинах, Захария не может сдержать своего возмущения; но оно выливается у Захарии в форму, характерную для основного строя повести: «Что сие глаголеши тавому великому государю самодержцу, аще бог что восхошет, то и сотворит. А ныне ты, царю, хощеши без божия повеления сотворити» (Шамбинаго, стр. 86). Как и в былинах, смелый и независимый ответ Захарии едва не стоит ему жизни: татары хотят зарезать Захария, но Мамай их останавливает.

Дальнейшее развитие событий в «Сказании» также находит аналогию в былинах, хотя она и не является полной. Мамай обращается к Захарии с просьбой рассказать ему о князе Дмитрие: «Возвести ми, многолетен ли есть ратаи мои Димитрей, ащели млад, то яз помилую его младости ради и возму ево во двор свои, да накажется обычая моего царьскаго, а тамо князя

¹¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (далее: Шамбинаго), стр. 88 (тексты сказания).

иною посажу» (Шамбинаго, стр. 86). В былине обычно Идолище спрашивает об Илье Муромце — о его возрасте, силе и т. п. В повести вопрос Мамай никак не мотивирован и должен рассматриваться как чисто литературный прием. Вполне возможно, что прием этот был подсазан книжнику былиной. Но характер вопроса изменился. Затем Мамай предлагает Захарии перейти к нему на службу, объясняя свое предложение тем, что посол привлек его своей красотой и «премудростью». «Любим есть ты мне, Захария, подобен еси царьству моему предстояти. Служи ми, Захария, сотворю тя властелина велика в Руси, будеши подобен Дмитрею, ему же ныне служиши». С предложением перейти на службу обычно обращается татарский царь к богатырю в былинах. Чаще всего это происходит, когда богатырь попадает в плен:

Ай же ты, старой казак Илья Муромец!

Послужи ты мне нынче, царю Калину,
Я дам тебе место подли меня
Или дам место супротив себя,
А третье место куды сам захошь.

(Тихонравов—Миллер, № 11).

Послужи нам верой, правдою,
Как служил князю Владимиру.

(Тихонравов—Миллер, № 12; ср.: Гильфердинг, II, № 75; III, №№ 304, 320); Соколов—Чичеров, № 77).

В былинах это предложение вызывает немедленную и прямую реакцию — богатырь с гневом отвергает возможность перейти на службу к татарам и грозит царю:

Ай же ты, собака ты Калин-царь,
А за твои ты слова неразумный,
А ведь и ныне не своя воля, —
А отсеку я тебе буйную голову

(Соколов—Чичеров, № 77).

Обычно в этом случае татары хотят казнить богатыря, но ему удается освободиться, и он уничтожает врагов. В «Сказании» события развертываются по-иному. Захария делает вид, что он готов перейти на службу к Мамаю, но не может этого сделать немедленно: он должен сначала исполнить свои посольские обязанности, вернуться к князю, сложить с себя крестное целование и затем уже может приехать к Мамаю. Царь принимает на веру слова Захарии и отпускает его в сопровождении четырех своих любимых князей и отряда татар, дав ему письмо для передачи Дмитрию; в этом письме он требует полного повиновения. «Аще сего не сотвориши, и все грады твоя имам разорити и огню предати, а самого тебя великой казни предам». Простодушная доверчивость, с какой воспринимает Мамай предложение Захарии, легкость, с которой русскому послу удастся провести царя, — все это выдает эпическую природу данного эпизода. Татары попадают в плен. Захария разрывает в клочья грамоту Мамай и велит одному из татар отвезти ее царю, передав ему следующие слова: «Возвратися ты един и рцы безбожному царю своему, яко не обретох в человецех безумнее тебя, а грамоту твою пред светлые очи государя моего не принесох и прочтох ее сам и видех безумие твое, посмеялся и передрах ю, а служити яз тебе, царю, рад своим мечем над твоею головою» (Шамбинаго, стр. 88; разрядка моя, — Б. П.). Выделенные мною заклю-

чительные слова ясно указывают на происхождение всего этого эпизода. Так обычно отвечает богатырь татарскому царю. В одном из поздних списков «Сказания» стилистическая близость этого места к былинам еще более очевидна: «А служити тебе, царю, аз рад со своею саблею острою над твоею шиюю толстою».

Сходство с былинами не ограничивается лишь одним местом из ответа Захарии. Как мы видим, ответ аналогичен тому, какой знают былины, но он перебит рассказом о возвращении посла. Параллель к этому рассказу есть в былине «Василий Игнатьевич и Батыга». Василий-богатырь проникает в татарский стан под видом перебежчика. Он сам предлагает Батыю помощь: он готов провести татар в Киев.

Дай мне-ка силы сорок тысящей,
Пособлю я тебе взяти наш Киев-град.
Уж я знаю, где ворота худо заперты,
Худо заперты ворота, не заложены.

(Гильфердинг, II, № 181).

Обычно и здесь Батый проявляет чисто эпическую доверчивость: «А на ты лясы Батыга приукинулся»; «А на ты слова Батый обнадеедасо»; «А на ты на лясы приочарилсе». Он дает русскому богатырю силу в сорок тысячей. Василий выводит ее в поле, уничтожает и возвращается снова в татарский лагерь, объясняя Батыге, что он «попал на заставушки российские», и прося у него новой силы. Эпизод повторяется трижды, и наконец Василий возвращается и уничтожает оставшихся татар во главе с Батыгой (см., например: Гильфердинг, I, №№ 41, 60, 66; Тихонравов—Миллер, № 38; Соколов—Чичеров, № 14).

Таким образом, в «Сказании» как бы соединились в одном цельном рассказе эпические мотивы, которые в известных нам былинных записях имеют совершенно самостоятельный характер.

Эпизод с Захарией кончается тем, что Дмитрий, встретив посла, «сотвори пир честен на Захарию и почтив Захарию многими дары» (Шамбинаго, стр. 88). Такой финал тоже вполне в духе былины, оканчивающихся обычно пиром в честь богатырей-победителей и их награждением.

Следует указать и основные отличия эпизода повести от соответствующих былинных мотивов. В «Сказании» некоторые ситуации носят эпически-условный характер, но здесь нет ничего эпически-фантастического. Захария — не богатырь, и он не совершает богатырских подвигов. Весь эпизод доведен до максимального правдоподобия. Стилистически он, за исключением одного-двух случаев, далек от эпоса. Религиозно-благочестивая концепция автора, преданность его идее княжеской власти, ориентация на литературный стиль с элементами некоторой украшенности и витиеватости — все это значительно приглушает народно-поэтическое звучание данного эпизода.

Вопрос о том, существовал ли в фольклоре сюжет о подвиге Захарии (в виде былины, песни или предания), остается открытым. Самый характер разработки эпизода в повести таков, что он не позволяет прямо решить этот вопрос. Вполне возможно, что в основе эпизода лежит какой-то реальный жизненный факт. Первоначальные фактические сведения о посольстве Захарии исчерпывались теми несколькими фразами, которые имеются в других редакциях повести. Составитель распространенной редакции мог сам, опираясь на традиционные эпические аналогии, разработать эпизод, придав ему характер самостоятельной интересной и героической истории. Скорее данный рассказ можно рассматривать не как изложение уже суще-

ствовавшего в фольклоре произведения, а как вполне литературный сюжет, созданный на основе былинных образцов.

Другой эпизод в «Сказании о Мамаевом побоище», который обычно ставят в связь с народно-поэтическими традициями, — это рассказ о поединке инок-богатыря Пересвета с татарским исполином, предшествующем битве.¹² Вот одна из типичных разработок этого рассказа: «Выеде злыйй печенег из великого плъку татарьскаго, пред всеми мужеством являся, подобен бо бысть древнему Голиаду, пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его. Видев же его Александр Пересвет старец, иже бе в плъку Владимира Вселодовича и двигнувся исполку и рече: „Сеи человек ищет подобна себе; аз хошу с ним видетися“. Бе же на главе его шелом архангельского образа въоружен скимоу повелением игумена Сергия, и рече: „Отци и братиа, простите мя грешнаго, брате Андрей Ослебя, моли бога за мя, чаду моему Иакову мир и благословение“. Напусти на печенега и рече: „Игумен Сергий, помогай ми молитвою“. Печенег уже устремися противу ему. Христане ж вси въскликнуша: „боже, помози рабу своему“. И ударишася крепко копии, едва место не проломися под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашеся» (Шамбинаго, стр. 65).

Сквозь довольно густой слой религиозно-благочестивого повествования отчетливо может быть выявлено героическое зерно рассказа: татарский исполин перед боем вызывает из русского войска поединщика; на вызов откликается богатырь Пересвет. Противники вступают в бой, и оба гибнут в единоборстве.

Эпизодами поединков русского богатыря с врагами изобилует русский эпос. Бьются Добрыня со Змеем, Илья Муромец с Сокольником, Илья Муромец с Мамаем (Калином), Алеша с Тугарином и т. д. В некоторых случаях поединок начинается по инициативе врага (ряд вариантов былинны «Илья Муромец и сын»). Довольно обычен в былинах мотив, когда татарский посол, являясь в Киев, передает требование Калина (Батыги, Мамая и т. д.) к князю Владимиру выставить поединщика (Гильфердинг, I, № 66; II, №№ 170, 181; Григорьев, III, №№ 369, 415; Миллер, № 47). Однако ни один из случаев, известных в былинах, не является аналогией к эпизоду в «Сказании»: в былинах о татарском нашествии фактически происходит не поединок, а уничтожение богатырем (или богатырями) вражеской силы; в русском эпосе совершенно невозможен мотив одновременной гибели русского богатыря и его противника. Думаем, что данный сюжет пришел в «Сказание» не из эпоса. Скорее всего он пришел из устных рассказов (которые могли и не получить завершённой формы), окружавших Куликовскую битву. Этот рассказ приобрел законченную художественную форму, по-видимому, на страницах «Сказания». Вполне оправданным является то, что автор (или один из поздних редакторов) осмыслил эпизод в эпическом плане и внес в него отдельные детали, характерные для былин. В процессе жизни памятника доля эпического менялась в ту или другую сторону. Так, в одном из списков татарскому исполину приданы черты былинного Идолища:

¹² Шамбинаго, стр. 176; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, II. М., 1910, стр. 371—374; Л. А. Дмитриев. 1) Сказание о Мамаевом побоище. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953 (рукопись); 2) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. В кн.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 435; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 130.

Трєю сажень высота его,
 А дву сажень ширина его,
 Между плеч у него сажень мужа доброго,
 А глава его, аки пивной котел,
 А между ушей у него стрела мерная,
 А между очи у него, аки питии чары,
 А конь под ним, аки гора велия.¹³

Нет оснований видеть в этом описании отрывок древних песен. В данном случае «Сказание» идет не за определенной песенной фабулой, воспроизводящей то же событие, о котором говорится в книжной повести, но как бы следует эпическим принципам изображения. Автор (или редактор) «Сказания» в данном случае как бы встал на место народного певца и его глазами взглянул на изображаемое событие. Права В. П. Адрианова-Перетца, которая видит в данном случае не прямое сюжетное заимствование из фольклора, но специфическую форму усвоения фольклорной стилистики при полном сохранении «оцерковленного изложения».¹⁴

Исследователи не раз указывали на различные следы преданий, устных рассказов в произведениях, посвященных Куликовской битве. Нет необходимости обращаться к соответствующим материалам, поскольку настоящая работа посвящена фольклору песенному. Остановимся на данных, которые имеют прямое отношение к теме нашего исследования.

В свое время С. К. Шамбинаго предпринял попытку реконструкции двух песен, связанных с Куликовской битвой и сохранившихся, по его мнению, в составе «Сказания». Первая из них — это песня «О походе новгородцев на помощь Москве». Следы ее имеются также в «Задонщине». В обоих случаях можно говорить о песенных вставках.¹⁵ Приводим текст предполагаемой песни в том виде, как это предложено С. К. Шамбинаго (здесь и далее в квадратные скобки исследователь заключает «распространения писцов»).

В великом Новгороде
 Стоят мужи новгородские,
 У святых Софеи на площади,
 Бьют вече великое,
 Говорят мужи таково слово:
 Уже нам не поспеть на пособь
 К великому князю Димитрию.
 [Кажут] он Оку-реку перевозится,
 Тако нам к нему не ехати,
 А ему будет непособь,
 Ино [нам] будет Новым градом не отсадиться,
 [И] борзо мужики [новгородцы] наряжались,
 Отпущали [с города] тринадцать посадников [больших новгородских],
 С ними [же] силы [немного, только] тринадцать тысячней,
 А все люди нарядные,
 Пансыри, доспехи давали с города:
 [И рекоша] пойдите [братия] с одного на безбожного.
 И пришла сила новгородская
 К великому князю Димитрию,
 [Оному же Оку-реку перевезшуся],

¹³ Цит. по: С. К. Шамбинаго. Литература Московского княжества XIV и XV вв. — В кн.: История русской литературы, т. II. Литература 1220—1580-х годов, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 219.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 130.

¹⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 218; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 133.

[И] рад был князь Дмитрий Иванович:
 [И рече им] исполать вам, мужи новгородские,
 Что меня есте не оставили.¹⁶

В более раннем опыте реконструкции, предложенном С. К. Шамбинаго, текст песни оканчивался фразой «Пансыри, доспехи давали с города» (Шамбинаго, стр. 301). Обе реконструкции различаются также разбивкой текста на стихотворные строки и выделением слов, принадлежащих писцу. Вторая реконструкция в целом представляется более удачной, хотя отдельные детали ее могут быть подвергнуты критике. Стремясь воссоздать точный ритмический строй песни, С. К. Шамбинаго относит на счет писца такие слова и выражения, которые вполне в духе народной поэзии: «мужики-[новгородцы]», «посадников [больших новгородских]», «силы [немного, только] тринадцать тысячей», «пойдите [братия]» и др.

Свою реконструкцию С. К. Шамбинаго заключает следующим утверждением: «Немного изменено здесь в тоне народного стиха: строй песни поэтически безупречен. Отрывок дает, таким образом, замечательный образец не вошедшей в репертуар позднейших сказителей древней песни».¹⁷ Разумеется, высказанное в таком общем плане, данное утверждение остается недоказанным, основанным лишь на внешнем восприятии. Необходим анализ реконструируемого текста, перевод общих рассуждений в план конкретных сопоставлений. При этом, как и в предыдущих случаях, мы считаем возможным сопоставлять литературный текст не с народной поэзией «вообще» (результаты таких сопоставлений столь же приемлемы, сколь и необязательны), а с вполне определенными в жанровом, сюжетно-композиционном и стилистическом отношениях явлениями. Наиболее близкий материал в данном случае лежит не столь уж далеко — в исторической поэзии XVI в.

Предполагаемая песня о помощи новгородцев имеет четкую композицию, и композиция эта, несомненно, песенная. Начало сразу вводит в обстановку происходящих событий и в круг действующих лиц:

В великом Новгороде
 Стоят мужи новгородские,
 У святых Софеи на площади,
 Бьют вече великое.

Аналогичным образом начинаются многие песни XVI—XVII вв., причем как раз те, в которых действует масса людей, объединенная в данный момент общим делом. Так, многие песни о Ермаке начинаются сходной картиной:

Как во славном было городе во Астрахани,
 На широкой ли на ровной было площади,
 Собиралися казаки во единый круг.

(Догадина, № 11).

Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 На крутом на красном бережечке,
 Собирались тут казаки, люди вольные,
 Становилися казаки во единый круг.

(Гуляев, № 36).

¹⁶ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 218.

¹⁷ Там же, стр. 219. — С мнением С. К. Шамбинаго о песенном характере вставки согласна В. П. Адрианова-Перетц: 1) Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 209; 2) Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 132—133. Л. А. Дмитриев считает, что существовала эпическая песня о новгородцах, «осколки или переработки эпизодов» которой дошли до нас в различных редакциях (Л. А. Дмитриев, Сказание о Мамаевом побоище, стр. 143).

Перед нами — не внешнее совпадение. Сходство в начальных эпизодах важно еще и потому, что и дальше сопоставляемые песни развиваются по общей композиционной схеме. В самом внутреннем построении песен есть одна общая черта: это песни о сборах в поход; в некоторых сюжетах цикла о Ермаке речь прямо идет о походе, цель которого — помочь Ивану Грозному в осаде Казани. Вторую часть песни о помощи новгородцев составляют размышления собравшихся о том, как им поступить. Новгородцы опасаются, что они могут опоздать: Дмитрий уже переходит Оку; но не идти на помощь они не могут — Дмитрию «будет непособь», а новгородцам «будет... не отсадиться». Вся эта часть дана в виде прямой речи, которая принадлежит, по-видимому, не одному, а всей массе. В песнях о Ермаке мы находим также аналогичную композицию. После того как казаки собрались в круг, они начинают обсуждать свои дела. Иногда говорит один Ермак, но такой случай вовсе необязателен: часто речь принадлежит всем собравшимся.

Как под городом под Казанью стоит белый царь,
 Стоит белый царь, царь Иван Васильевич;
 Он не год стоял, не два года,
 Он стоял ровно семь годов;
 Не взявши Казань, горюет, хочет прочь идти.
 Пойдемте-ка, ребятушки, на подмогушку...

(Киреевский, VI, стр. 23—24).

Можно заметить при этом, что, как и новгородцы, казаки очень спешат добраться до цели.

В третьей части песни говорится о сборе новгородцев и об их приходе к Дмитрию. Песня заканчивается словами благодарности, с которыми обращается князь к новгородцам. Такое завершение знают и песни о Ермаке, хотя оно для них не очень характерно.

О чем говорят сделанные сопоставления? По-видимому, в песенном фольклоре конца XIV—начала XV в. уже складывается форма лиро-эпической исторической песни — без развернутого сюжетного повествования, без сложной фабулы. В песнях этого типа отсутствуют яркие эпические эпизоды, для них более характерна тенденция к художественной достоверности (хотя они и не лишены большей или меньшей доли вымысла). В фольклоре конца XVI и XVII в. такая форма станет едва ли не господствующей, а песни, в которых центральными в сюжетно-композиционном плане будут эпизоды сборов в поход и речи, раскрывающие смысл и характер происходящих событий, станут создаваться десятками. В песне о помощи новгородцев еще нет той чеканной, отшлифованной формы описаний, обращений, характеристик, какая придет в песни XVI—XVII вв. Но тенденция к созданию такого рода формы, новых песенных *loci communes* уже налицо. Такие выражения, как «в великом Новгороде... у святых Софеи на площади», «стоят мужи новгородские», «говорят мужи таково слово», «силы немного, только тринадцать тысячей» и некоторые другие, могут рассматриваться как складывающиеся песенные формулы.

Реконструируемая песня интересна и в том отношении, что она, несомненно, новгородского происхождения. Она важна для понимания настроений новгородского простого люда; в песне отчетливо выражены патристические чувства новгородцев, их желание принять участие в общей борьбе против татар, даже тревога за то, что они могут оказаться в стороне от общего дела. Песня, очевидно, сложилась где-то в самом ходе событий, она выразила непосредственные и горячие настроения дня. Перед нами одна из ранних политических песен. Возможно, что она явилась как отклик на

внутриполитическую борьбу различных сил в Новгороде, по-разному определявших свое отношение к событиям, которые происходили в Москве. О политической направленности песни наглядно свидетельствует самый факт включения ее в «Сказание о Мамаевом побоище» — произведение, проникнутое объединительными идеями.¹⁸

С. К. Шамбинаго предполагает, что в «Сказании» отразились и другие «древние песни». «Частью специальной какой-либо песни» он считает поэтическое описание боя (Шамбинаго, стр. 301).¹⁹ Это описание он также пытается представить в стихотворно-песенной форме.

И ступишися [велици] полци, [и] крепко бьющися,
 [Напрасно] щепляются щиты богатырские, [от
 вострых копеев]
 Ломаются рогатины булатные [о
 злаченные доспехи],
 Льется кровь богатырская
 По седельцам по кованым,
 Сверкают сабли булатные
 Около голов богатырских,
 Катятся шелома злаченные [с
 личинами]
 Добрым коням под копыта,
 Валяются головы многих богатырей
 С добрых коней о сыру землю.²⁰

Действительно, этой картине нельзя отказать в поэтичности. Весь вопрос лишь в том, какова природа этой поэтичности. Заметим прежде всего, что настойчивые попытки С. К. Шамбинаго обнаружить в рассматриваемых им отрывках песенно-ритмическое начало малоубедительны. Ритмичность присуща древнерусской прозе и составляет ее характерное художественное качество. Давно замечено, что наличие определенного ритма (как правило, неоднородного рисунка, непрерывно меняющегося в ходе повествования) — результат синтаксической организации повествования. В данном случае перед нами, по-видимому, прекрасный пример именно такой прозы, в которой период синтаксически организован: сказуемые всюду в одной форме и в начале предложений («щепляются», «ломаются», «льется», «сверкают», «катятся», «валяются»); подлежащие везде на втором месте и имеют при себе определения — эпитеты («щиты богатырские», «рогатины булатные», «кровь богатырская», «сабли булатные», «шелома злаченные»), фразы замыкаются группой слов — дополнений или обстоятельств («по седельцам по кованым», «около голов богатырских», «добрым коням под копыта», «с добрых коней о сыру землю»). Думаем, что наличие определенной ритмической организованности еще не дает права считать данный отрывок песенным.

Обратимся к анализу стилистической стороны отрывка. На первый взгляд может показаться, что стилистически он связан с народной поэзией. Об этом как будто говорят эпитеты, довольно обильно уснащающие текст (в частности, повторяющиеся эпитеты «богатырские», «булатные», «добрые» и др.), и самая манера поэтически изображать ситуации боя (кровь льется по седлам, сверкают сабли около голов, катятся шлемы под копыта,

¹⁸ Ср.: М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 357.

¹⁹ Точку зрения С. К. Шамбинаго поддерживает и Л. А. Дмитриев. «Описание битвы, как и рассказ о новгородцах по списку Уваров. № 802, говорит о том, что, возможно, существовали какие-то эпические песни об отдельных событиях Мамаева побоища, дошедшие до нас в случайных отрывках, вставленных переписчиками, знавшими эти песни» (Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 287—288).

²⁰ Приводим эту реконструкцию по статье С. К. Шамбинаго в «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1, стр. 219).

валятся головы о сыру землю). Однако общее впечатление должно быть проверено конкретным анализом.

Прежде всего очень существенно то обстоятельство, что в стоящей рядом со «Сказанием» «Задонщине» сходная стилистическая манера не только ощущается довольно ясно, но и возведена в один из основных принципов повествования. Здесь неоднократно встречаются эпитеты «золоченые доспехи» и «шелом золотой», «мечи булатные», «борзые комони», «погании татарове» и т. д., т. е. эпитеты, о которых можно говорить как о фольклорных. Между тем лишь отчасти есть основание обращаться в поисках прямых источников этих эпитетов к народной поэзии, поскольку ряд таких «постоянных» эпитетов заимствован в данном случае из «Слова о полку Игореве».

«Сказание», очевидно, может быть в этом смысле сопоставлено с «Задонщиной». Другими словами, когда мы обнаруживаем поэтические эпитеты, мы не можем так уже определенно выводить их непосредственно из песни. Вполне возможно, что какие-то из них пришли в «Сказание» из «Задонщины».

Но если даже согласиться с тем, что автор (или редактор) брал их прямо из фольклора, то встает вопрос о методике заимствования и о его пределах. Иными словами, мы еще не знаем, попал ли данный комплекс эпитетов в «Сказание» в составе цельного народно-песенного произведения или же эти эпитеты пришли сюда в форме художественных элементов, отделившихся от конкретных фольклорных текстов. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к отрывку как к художественному целому.

Былинный эпос такого рода описаний не знает. В былинах не изображается битва, в которой участвовала бы масса войска и в которой обе стороны несли бы одинаково потери. Воинские описания в эпосе могут быть сведены к трем типам: поединок русского богатыря с вражеским; уничтожение богатырем вражеского войска; уничтожение того же войска группой богатырей, и ни один из этих типов не соотносится ни сюжетно, ни стилистически с рассматриваемым отрывком из «Сказания». В эпосе выражения вроде «лется кровь богатырская по седельцам по кованым» или «валятся головы многих богатырей с добрых коней о сыру землю» просто невозможны, так как в былинных битвах ничего подобного не происходит. Картинность, внешняя эффектность, яркость в изображении битвы вообще не в духе русского эпоса, точно так же как не соответствует эпосу и некоторая приподнятая эмоциональность воинских описаний.

Напротив, воинские описания в былинах предельно сжаты, даже несколько суховаты и отнюдь не занимают в повествовании решающего места. Следовательно, не в былинах следует искать непосредственный источник (если таковой вообще имеется) разбираемого эпизода «Сказания».

Но и в исторических песнях (во всяком случае старшего периода) трудно найти прямые соответствия. Правда, воинские описания здесь иногда даются, как и в эпизоде «Сказания», в отвлечении от конкретного сюжетного движения, приобретают самостоятельный характер, эмоционально окрашиваются. Появляются картины, содержащие обобщенные метафоры боя. Но, во-первых, такие описания чрезвычайно редки, а во-вторых, они не составляют сколько-нибудь прямых параллелей к имеющемуся описанию в «Сказании».

Можно считать, что данный отрывок не есть часть песни и что в фольклоре XIV—XV вв. не было песни (о Куликовской битве или о другом каком-то событии) с такого рода эпизодом. Автор (или один из поздних редакторов) «Сказания о Мамаевом побоище» сам создал поэтическую картину сражения, с одной стороны, опираясь на книжную традицию

(в частности, на стилистику «Задонщины»), а с другой — перерабатывая знакомые ему народно-поэтические образы.

Сама же «Задонщина» представляет собой пример аналогичного подхода к фольклорной стилистике. Если бы мы не знали о прямой зависимости этого памятника от «Слова о полку Игореве», мы бы, очевидно, делали предположения о большом количестве фольклорных источников, лежащих в его основе. Между тем народно-поэтическая стилистика «Задонщины» во многом, так сказать, вторичного происхождения. Правда, внимательный анализ показывает сознательный характер использования богатой образности «Слова о полку Игореве» автором «Задонщины». По словам новейшего исследователя, автор, обращаясь к «Слову», «очевидно, с особым вниманием останавливался именно на устно-поэтических его элементах, придавая им, однако, форму, более привычную для XIV в.»²¹

Тем не менее связи «Задонщины» с фольклором ограничиваются преимущественно стилистикой и, по-видимому, совсем не касаются сюжетной и композиционной сторон. Характерно в этом плане, что предполагаемая песня о помощи новгородцев, полностью воспроизведенная в «Сказании о Мамаевом побоище», потеряла характер целого в «Задонщине» и отразилась здесь в виде небольшого эпизода:

Звонят колоколы вечныя
в великом Новегороде,
стоят мужи новгородцы
у святой Софии арькучи:
Уже нам, братие, на пособе
великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть.²²

Тот же, мне кажется, случай можно усмотреть в одном из заключительных эпизодов «Задонщины». Здесь рассказывается о том, как Мамай после разгрома на Куликовом поле бежал в Кафу. Приведу это место полностью в том виде, как оно реконструировано В. П. Адриановой-Перетц:

«И отскочи [поганый] Мамай серым волком от своая дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: чему ти, поганый Мамай, [посягаешь] на Рускую землю? То ти была орда Залеская, времена первыи. А не быти тебе в Батыя царя. [У Батыя царя было] 400000 вою, воевал всю Рускую землю и пленил от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю за съгрешение. И ты пришел [царь] Мамай на Рускую землю с многими силами, с девяту ордами, с 70 князьми. А ныне бежишь сам девят в лукоморье, [не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тебя князи руские горазно подчивали, ни] князеи с тобою нет ни воевод? Нешто гораздо упилися на поле Куликове на траве квыли? Побежи, поганый Мамай, и от нас по Задлешью».²³

В. П. Адрианова-Перетц видит здесь народное предание. Исторические обстоятельства в рассказе смещены (Мамай бежал в Кафу не сразу после Куликовской битвы, а позже, после поражения, нанесенного ему Тохтамышем; фряги убивают Мамаю, о чем «Задонщина» не упоминает). «Самый строй рассказа, образ битвы-пира, на котором держится насмешливая речь фрягов, — все это говорит за то, что Софоний ввел какое-то устное

²¹ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 134, там же соответствующие примеры.

²² Там же, стр. 132.

²³ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 232.

предание о Мамае. В этом предании трагическая картина предательского убийства Мамаея заменена насмешкой над разбитым врагом».²⁴

Соглашаясь с тем, что восстановить первоначальный вид рассказа невозможно, В. П. Адрианова-Перетц считает, что «фольклорное зерно этого легендарного предания о встрече Мамаея с фрягами все же очевидно, даже и в искаженной переписчиками форме».²⁵

Попытаемся рассмотреть более внимательно, в чем же заключается это фольклорное зерно.

Обращает на себя внимание в этом рассказе разительное несоответствие между несомненно песенными стилистическими элементами и отнюдь не песенным сюжетом. В самом деле, былины, например, нередко кончаются бегством разбитого врага, который клянется, что никогда больше не придет на Русь; но былины никогда не следят дальше за судьбой Батыги, Мамаея или какого-нибудь другого татарского царя. Такого рода мотивы нехарактерны и для исторических песен. По-видимому, с точки зрения народной поэзии (эпической или исторической — все равно) участь врага, после того как он разбит и изгнан из пределов Русской земли, не представляет интереса. Другое дело — исторические предания, которым присуще внимание к отдельным личностям, к их дальнейшей судьбе, вообще к биографическим подробностям. Такой интерес может в равной степени находить выход в сюжетах как сказочно-эпического, так и историко-бытового плана. Но есть одно качество, почти обязательное для преданий, — это наличие сюжета, который интересен сам по себе, отличается занимательностью, содержит какое-то зерно художественного обобщения. С этой точки зрения рассказ о бегстве Мамаея в «Задонщине» трудно представить как народное предание. Рассказ, по существу, лишен фабулы. Мы узнаем, что Мамаея убежал от своего войска и прибежал в Кафу. Здесь фряги встретили его укоризненными и насмешливыми речами. И все. Этого, разумеется, мало для предания. Известие о бегстве Мамаея в город, где его встретили безо всякого сочувствия, — это, конечно, не предание, а вероятно просто одна из многочисленных версий о судьбе татарского царя, разбитого на Куликовом поле. Автор «Задонщины» по каким-то причинам остановился на этой версии, предпочтя ее той исторической версии, какая содержится в других произведениях о битве 1380 г. То обстоятельство, что данная версия не соответствует действительности, не может служить доводом в пользу ее фольклорной природы. В «Задонщине» многие события представлены без достаточной точности, последовательности; в постоянном отступлении от норм прагматического изложения событий состоит одна из художественных особенностей этого памятника. Для Софония как раз вполне естественным было взять (а может быть, и создать самому) именно такую версию бегства Мамаея, позволившую ему завершить повествование двумя важными для него мотивами: сопоставлением участи двух завоевателей — Батыи и Мамаея и иронической трактовкой конца Мамаея. И тот и другой мотив вполне в духе не только «Задонщины», но и «Слова о полку Игореве».

И хотя текстологических и стилистических совпадений со «Словом» в данном эпизоде «Задонщины» не так много, но вполне отчетливо здесь ощущается общая художественная связь двух памятников. Эпизод из «Задонщины» может быть сопоставлен с эпизодом из «Слова», посвященным Всеславу Полоцкому. Всеслав «в ночь вълком рыскаше», «скочи от

²⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в и народная поэзия, стр. 133.

²⁵ Там же, стр. 134

них лютым зверем»; из соединения этих двух образов возникает в «Задонщине» свой: «И отскочи (поганый) Мамай серым волком от своая дружины». В характеристику Всеслава также вплетается элемент иронии — и тоже заключенный в форму народно-поэтической образности: «Аще и вещь душа в дръзе теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещей Боян и пръвое припевку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“». Однако, как и в некоторых других местах своего произведения, Софоний в данном случае лишь отталкивался от «Слова», разрабатывая весь эпизод по-своему. Это сказалось в стилистической обработке эпизода, которая не отличается цельностью. Налицо сочетание манеры книжной с манерой фольклорной. Особенно интересно применение Софонием к Мамаю песенного образа-символа «битва—встреча и проводы гостей».²⁶ Обычно, как это известно по песне о Евпатии Коловрате и особенно по более поздним историческим песням, русские воины (полководцы, царь), готовясь к встрече врага, намерены встретить его как «гостя», «угостить» и «проводить» достойным образом. В образах такой встречи, угощения и проводов дается иногда картина сражения. Характерной особенностью этих образов является их ироническая заостренность. В эпизоде с Мамаем из «Задонщины» мы видим тот же образ, но в ином контексте. Фряги с насмешкой спрашивают у Мамаю: «Нешто тобя князи руские горазно подчивали?»; «Нешто гораздо упилися на поле Куликове на траве ковыли?». «Слово о полку Игореве» знает образ-символ «битва — свадебный пир», развернутый там в скорбное описание разгрома войска Игоря. В «Задонщине» слова «гораздо упилися», да еще в общем ироническом контексте, звучат с явной издевкой.

Характерно, что в различных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» также есть отголоски этого фольклорного образа — в речи князя по адресу приближающихся татар: «Се уже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша» (Шамбинаго, стр. 65, 29—30, 114). Однако и здесь это выражение находится не в составе фольклорного сюжета.

И в «Сказании о Мамаевом побоище», и в «Задонщине» есть целый ряд реминисценций, не связанных какими-либо сюжетными фольклорными рамками. Авторы-книжники, очевидно, хорошо знают песенную стилистику и очень умело ее используют. Следует говорить даже не о цитации; а о попытках найти для фольклорных образов, ставших уже, по-видимому, традиционными, новый контекст и придать им такие детали, которые в них отсутствовали. Поэтическое мышление книжного автора конца XIV—XV в. было уже достаточно далеко от мышления эпического, но именно это обстоятельство — при условии знания фольклора — позволяло ему свободно переосмыслить и развивать некоторые песенные образы, не сохраняя того сюжетного целого, в составе которого эти образы жили. Это обстоятельство необходимо строго учитывать, когда мы пытаемся обнаружить в таких памятниках, как «Сказание о Мамаевом побоище» или «Задонщина», следы прямых фольклорных влияний. Было бы неверным всякое внешнее сходство относить на долю такого рода влияний, отказывая тем самым писателям XIV—XV вв. в художественной фантазии, в умении создавать вымышленные ситуации. Характерную ошибку в этом смысле допустил И. П. Хрущов, пытаясь на основании самого поверхностного анализа выделить из состава двух литературных памятников о Куликов-

²⁶ См. об этом: Б. Н. Путилов. Песня о Евпатии Коловрате. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 128—131.

ской битве их фольклорные источники.²⁷ Хрущов утверждает, что существовала былина следующего содержания, реконструируемая из некоторых начальных эпизодов «Сказания о Мамаевом побоище»: Дмитрий узнает о том, что Мамай-князь движется на Москву. На пиру у тысяцкого Миклулы он стал вызывать охотников идти к татарам добывать языка. Вызвались крепкие юноши, крепки оруженники: Родион Ржевский, Андрей Волосатый и Василий Туник. Князь послал их на Быструю Сосну, они замедлили в поле, и тогда были посланы трое других, встретившие Туника, который возвращался с недобрыми вестями; в частности, он должен был передать хвастливые угрозы Мамаю. Выслушав сообщение, Дмитрий обращается с речью к князю, те ему отвечают и т. д.²⁸

Права В. П. Адрианова-Перетц, когда замечает по поводу утверждений Хрущова, что «следов такой старины не сохранилось, что же касается самой картины пира, то она далека от обычной былинной ситуации».²⁹ Вполне возможно, конечно, что, создавая первые эпизоды «Сказания», автор прибег к условному повествовательному приему, опираясь при этом на традицию как былин, так и книжных повестей. Но нетрудно заметить, что вся ситуация в целом и в ряде подробностей не соответствует былинной. Былинный князь не посещает чужих пиров, а устраивает их сам. О появлении татар он всегда узнает через татарского посла, являющегося в город. Можно было бы и дальше проследить, что сходство в повествовании оказывается, в сущности, мнимым. Разумеется, никаких оснований нет для предположений о существовании былины с таким сюжетом.

«Эпическую основу» Хрущов склонен видеть также в плаче княгини в «Сказании», «несмотря на его книжный характер». В словах княгини о сыновьях «еда поразить их солнце сияючи или ветер их подвевает противу запада — обое не могут терпети» — Хрущов усматривает «распространенную переделку обычного в былинах выражения: их солнышко не опекает и буйные ветры не обвеют».³⁰ Такого рода наблюдения интересны лишь в том случае, если они не ведут к крайним и односторонним выводам.

Столь же необоснованной является мысль И. Хрущова о том, что «Задонщина» представляет собой письменную обработку песен славы или гусельных словес.³¹

Выше уже приходилось говорить, что специфический тон произведения, его поэтический пафос, яркая образность объясняются отнюдь не прямым влиянием фольклора. Что же касается «песен славы», то упоминание их в «Задонщине» — это чистая условность, не связанная ни с какими реальными современными представлениями автора.

Сравнительно скудные данные, которые могут быть извлечены из литературных памятников конца XIV—XV в., не позволяют составить ясного представления о том, как отразилась Куликовская битва в фольклоре. Но некоторые выводы в итоге анализа всего материала можно сделать. Очевидно, что своеобразным откликом на события 1380 г. явился целый ряд народно-поэтических произведений, созданных ранее этого события и по другим поводам. То, что произведения русского героического фольклора

²⁷ И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. — Труды третьего археологического съезда в России, том второй, Киев, 1878.

²⁸ Там же, стр. 282.

²⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания, стр. 207.

³⁰ И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву, стр. 282.

³¹ Там же, стр. 283.

разной жанровой принадлежности и различного конкретного содержания осмыслились в связи с победой на Куликовом поле и приобретали поэтому новое современное звучание, — в этом не может быть никаких сомнений: факты литературного порядка говорят об этом совершенно определенно.

Очевидно также, что шел процесс создания новых песен, новых сюжетов и — что самое главное — новых песенных форм (песня о помощи новгородцев). Очень характерно, что все известные нам следы такого творчества связаны не только с эпическими, но и с новыми, песенными, традициями.
